

Мария Китанова (София)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЕЙ ЭВФЕМИЗАЦИИ
В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ТРАДИЦИОННОЙ
БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Термин «эвфемизм» происходит от греческого *εὐφημος*, что означает «похвальный, благоприятный» и состоит из *εὐ-* (хорошо-, благо-) + *φῆμι* (речь, молва). В современной лингвистике термин эвфемизм служит обозначением смягчающей речевой стратегии, которая позволяет говорящему учитывать правила речевого этикета, адекватно оценивать ситуацию и делать правильный выбор. Некоторые авторы исследуют эвфемизмы вместе с разными фигурами речи. Например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахманова характеризует эвфемизм следующим образом: «троп, состоящий в непрямом прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» (Ахманова 1969: 521). Другие авторы подчеркивают, что «с семантической точки зрения процесс эвфемизации основан на различии между позитивной или нейтральной коннотацией вторичного наименования и отрицательной коннотацией исходного понятия» (Тишина 2006: 6). В данном определении оценка, которая характерна для эвфемизации, выводится на передний план; именно этот аспект и будет акцентироваться в нашей статье. Ряд исследователей принимают, что эвфемизмы — вид речевых актов, поскольку имплицитность, которой они располагают, по существу является неформальным выражением прагматической информации, в них содержащейся (Ковшова 2007: 29–37).

Об эвфемизмах и словах-табу еще в 1930 году писал Д. К. Зеленин в своей книге «Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии»;

---

¹ Исследование выполнено в рамках Проекта ДО 02/5 от 24.07.2018 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире», Программа ERA.Net.RUS 2018 (#472–LED-SW).

позднее этой темой занимался и О. Н. Трубачев в своей монографии 1958 года «Из истории табуистических названий». В Болгарии особое внимание уделяли эвфемистическим обозначениям болезней (Михайлова 1974). Позднее Б. Попов в докторской диссертации «Табуистические названия в болгарском языке (в этнолингвистическом аспекте и в сопоставлении с другими языками)» 2001 года, а также в автореферате диссертации и в ряде других публикаций (Попов 1998: 42–55; Попов 1998: 121–127; Попов 2000: 65–79; Попов 2000а: 65–84; Попов 2004: 5–21; Попов 2005: 273–280) проводит полноценное исследование этих аспектов. В автореферате исследователь дает библиографическое описание болгарских и иностранных публикаций, связанных с языковым табу и эвфемизацией (Попов 2001: 6–7). Он различает собственно табу, табуистические названия и эвфемизмы, а также вводит термины **этнокультурный факт** и **этнокультурный объект**. Под этнокультурным фактом автор понимает причину, по которой возникает имя-заместитель, а сущность, имя которой запрещается называть в народной речевой практике, является этнокультурным объектом (Попов 2001: 8). Кроме того, автор определяет так называемое истинное табу как «явление, которое обладает тремя составными языковыми компонентами: первоначальным названием, которое вследствие каких-либо экстралингвистических причин подлежит запрету, вторичным, замещающим название с другой внутренней или внешней формой, заменяющим запрещенное, и языковым механизмом (способом), который используется для образования вторичного названия» (Попов 2008: 6). К этому автор добавляет еще два компонента экстралингвистического характера — запрет (табу) и причину запрета (Зеленин 1930: 4; Попов 2008: 6). Выделяя слова-табу, запрещенные к произнесению, табуизированные названия и эвфемизмы, являющиеся словами-заместителями, Б. Попов учитывает тот факт, что не все слова-заместители могут считаться эвфемизмами. К эвфемизмам относятся лишь те слова, где идет замещение негативного позитивным. Следовательно, основной механизм эвфемизации — это изменение аксиологического статуса с отрицательного на положительный. Он выражается в моделях разного рода.

В народной культуре запрет на произнесение определенных слов возникает вследствие веры в магическую силу произносимого слова. Это приводит к тому, что имена божеств, демонов, опасных животных и болезней запрещается произносить вслух. Считается, что «непроизнесение» имени (например, смерти) — способ уберечься от обозначае-

мого данным словом явления. Согласно Зеленину, табу относится к этнографическим терминам, он рассматривает их в этой оптике (Зеленин 1929: 6), лингвисты же занимаются эвфемизмами и табуистическими названиями, которые замещают запретные слова. В последнее время интерес к эвфемизации заметно возрос. Ряд авторов рассматривают ее в синхронном и диахроническом плане, в сопоставительном аспекте, а недавние исследования связаны с манипуляциями или двойными стандартами в языке медиа (Ковшова 2007: 24–26; Москвин 1999: 5–10; Кацев 1988: 29–36; Кацев 1991: 65–83; Holder 2003, Meillet 1926).

Мы остановимся на одной модели эвфемизации диких животных, которая прослеживается в названиях медведя и волка, а также на создании личных имен с этими зоонимическими компонентами.

Медведь — это культовое животное, символ плодородия, материнства и женского начала. Согласно народным представлениям, медведь выходит из берлоги на *Благовещение* (25.03)², а возвращается в нее на *Секновене* (болг.), *Усекновение Главы Иоанна Предтечи* (29.08). В Западной Болгарии в честь медведя отмечается *Андреевден* (30.11), именуемый также *Мечкинден* («день медведя»). В этот день варят фасоль и кукурузу, бросают их в дымоход со словами: «*Да си здрава бабо Мецо! На ти Мецо варен кукуруз да не ядеш суровия! На ти мечко за душа!*» («Пусть будет здорова бабушка Медведиха. На тебе, Мецо, вареную кукурузу, чтобы ты не ела сырую! На тебе, медведь, для души»).

Култ медведя считается одним из наиболее архаичных. Согласно одной легенде из Западных Родоп, медведь произошел от девушки, которую мачеха отправила мыть черную пряжу до тех пор, пока она не станет белой (Георгиева 1993: 57–58). Таким образом, сущность медведя антропоморфная; соответственно относятся к нему и как к «своему», и как к «чужому», то есть амбивалентно. Табуирование названия медведя встречается у всех славян. Медведь воспринимается как культурный герой, родоначальник, тотем, дух-целитель, животное — двойник человека, символ плодородия (Попов 2004: 6). Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров объясняют амбивалентную сущность медведя через противопоставление «свой — чужой», «дом — лес», «домашний — дикий» (Иванов, Топоров 1978). Отмеченные оппозиции по своему характеру оценочные. В народном сознании медведь позитивен — он оберегает от болезней и отгоняет злые силы. Не случайно медведя используют для

² В Болгарии церковный календарь использует новый стиль. — *Примеч. пер.*

избавления от некоторых болезней, что отражено и во фразеологизме *мечка да те гази* («пусть медведь тебя потопчет»).

Ряженье в медведя известно в карнавалных кукерских танцах, у сурвакаров и бабугеров, а также и в досвадебном обряде *момино оро* («хоровод девушек»), обл. Монтана (Георгиева 1993: 58; Попов 2004: 8). В последнем невеста, наряженная медведем, рассказывает о происхождении медведя из девушки, за которой гнались или неженатые парни, или турки. В Западной Болгарии среди разнообразных карнавалных персонажей популярны медведь и его поводырь. Ряженье в медведя встречается на свадьбе в регионе Сливена (Георгиева 1993: 58). Хтонический характер медведя, который живет в пещере, сближает его со змеей, у которой также амбивалентная сущность.

В болгарских говорах фиксируются следующие эвфемистические названия медведя: ласкательное *меца* (Самоков), *мецан*, *мецана* (Долновардарско, фольклор); уменьшительные *мецанка*, *мечле* (Долновардарско; Попов 1998: 51); а также *медун* (ЗБ), *медунин* (Копривщица) — ‘тот, кто ест мед’. Данный эвфемизм известен и в других славянских языках, ср. рус. *медведь*. В фольклоре медведь именуется *баба Меца*; это словосочетание с термином родства *баба*, который наиболее частотен при образовании эвфемистических названий животных и болезней. Известны и топонимы, соотносящиеся с медведем: село *Меча поляна*, местности *Меча поляна*, *Меча дупка*, *Меча стъпка* и др.

В болгарской антропонимической системе ряд личных имен (чаще фамилии) включают в себя компонент *мечка* и имеют пожелательный характер — ‘чтобы был сильным и крепким, как медведь’: *Мечкалиев* (Русе), *Мечкански* (Берковица, Пазарджик), *Мечкаров*, *Мечков*, *Мечуков* (Берковица), *Мечконеv* (София), *Мечоров* (Монтана), *Колимечков* (Русе), *Плашимечков* (Пазарджик) и др. В романе Ивана Вазова «Под игом» действует герой, отличающийся своей силой и носящий прозвище *Боримечката*.

Волк — хищное млекопитающее из семейства псовых, мифологический символ зимы и смерти. Этимологически слово восходит к и.-е. *lukos, слав. *vlkъ*, ст.-слав. *влъкъ*. В диалектах встречается также *влък* (Западная Болгария), *волк* (Юго-Западная Болгария), *вък* (Пирин), *вольк* (Смолянско), *волек* (Ксантийско), *вук* (Ботевградско) и др.

В народном сознании волк — древнее хтоническое создание, осуществляющее связь между этим, нашим и иным мирами (Иванов 1977: 242). Он ассоциируется с зимой, которую часто называют волчьим вре-

менем, а также со смертью. В дуалистических легендах волка создал дьявол, а собаку — Бог. Поэтому предводитель волчьей стаи *Куцулан* (букв. «хромой») похож на своего создателя — он хромой и злой. В народном календаре ему посвящены три, пять, семь, девять или двенадцать дней, именуемых *Вълчи празници*, *Вучкови празници*, *Вучляци*, *Вълчяци*, *Вълчите дни*, *Волкови дене*, *Вълчешиници*, *Вълче дене*, *Дзверини дни*, *Зверини празници*, *Лихви дни*, *Рангеловине празници*, *Цевурки* и др. В некоторых районах волчьи дни концентрируются вокруг праздника *Архангеловден*, в других же совпадают с днями *Мратинците* (Западная Болгария), *Мръсните дни* (Юго-Западная Болгария) или *Трифонците*. Считается, что св. Трифон обладает властью над волками. Согласно народным поверьям, последний день волчьих праздников посвящен вожаку волчьей стаи, самому страшному волку, называемому *Куцулан*. В районе Белоградчкa последние два дня называются *Разтурняк* и *Кривулан*. Характерный суффикс для терминов *Куцулан* и *Кривулан* в большинстве случаев имеет демонологическую семантику (Китанова 1996: 33). В эти дни соблюдаются строгие запреты для того, чтобы уберечь домашний скот от волков: не производится никакой работы, не касаются острых предметов, а ножницы завязывают, чтобы челюсти у волков были закрыты. Последний день в Сливенской и Старозагорской обл. называется *Вълча Богородица*, а в Ихтиманской — *Вуча Богородица* («Волчья Богородица»). Компонент *Богородица* отсылает к божественному и тоже служит способом эвфемизации. У славянских, балканских и других европейских народов распространены поверья о *волколаке*, с характерной метаморфозой человек — волк. Известны такие болгарские фразеологизмы, как: *Вкарвам в устата на вълка* — ‘причинять вред’, *Влизам в устата на вълка* — ‘подвергаться опасности’, а также пословица *Вълкът кожата си мени, но нрава си — не* ‘Волк шкуру меняет, а нрав — нет’ и проклятье *Вълци да те ядат* — ‘Чтоб тебя волки съели’. Они подтверждают, что носители традиционной культуры воспринимают волка как опасное, нечистое животное, связанное с нечистой силой. Верят, что произнесение его имени вслух может спровоцировать его появление. В оппозиции «свой — чужой», «домашний — дикий», «жизнь — смерть» он занимает правую часть. Самыми распространенными эвфемизмами для волка служат *сивият* («серый»), *сивчо* (то же), *кум*, *кумашин* («кум») (Кюстендильская обл.; Попов 1998: 51), *кум господин* (Брезница, Сандански, Софийско), а в фольклоре — *Кумчо Вълчо*. Известно, что кумовство считается очень близким родством, и то, что оба компонен-

та — диминутивы, также свидетельствует о стремлении умиловить хищную природу волка. Словосочетание *кум господин* передает особое уважение к этому животному. Эвфемизм *кум* применительно к волку известен и другим славянским языкам. Согласно Зеленину, латыши употребляют слово *кум* вместо *вълк* лишь в тех случаях, когда хотят его призвать (Зеленин 1929: 58). Вместо слова *вълци* иногда используется термин родства *братята* («братья»).

Интересно, что в болгарском языке встречается много пожелательных собственных имен с внутренней формой *вълк*: *Вълко, Вълка, Вълчан, Вълкан, Вълкана* и др. В своем исследовании «Имена со значением волк в болгарской антропонимической системе» Зоя Барболова приводит следующие личные имена: *Вълк* (XV в.); *Влък, Вълко* (XV в.); *Вълка* (XV в.); *Вълкя, Вълкна, Вълков, Вълко, Вулко, Волко, Вълка, Волка, Вълкан* (XIII в.); *Вълкана* (XIII в.); *Вълканка, Вълканов, Вукан, Вукана, Вълканко, Вълканчо, Вълкун, Вълкас* (XI–XII вв.); *Вълкасан* (XV в.); *Вълксан* (XIII в.); *Вуксан, Вълкадин* (XVI в.); *Вълкадинчо, Вукади, Вълкодин, Вълкодина, Вълкаш* (XV в.); *Вълкашин* (XV в.); *Вукашин, Вълком, Вълкота* (XV в.); *Вълкуш* (XVI в.); *Вълкуша* (XV в.); *Вълуша, Вълчо* (XIII в.); *Вълча, Вълчев, Вълчко, Вълчко, Вълчка, Вълчкун, Вълчан* (XVI в.); *Вълчана, Вълчанка, Вълчанов, Вълчин* (XII в.); *Вълчина, Вълчинко, Вълчинка, Вълче* (XIV в.); *Вълчей* (XV в.); *Вълчек, Вълчкун, Вько, Вька, Вуко, Вука, Вукица, Вукал, Вукан, Вукана, Вучо, Вучко, Вучков* и *Вълкомир* (XVI в.); *Вълкослав* (XV в.); *Вукослав, Вукослава, Вукосав, Вукосава, Вълкострел* (XIV в.) (Барболова 2013). Широко известен рассказ Йордана Йовкова «Волкадин говорит с богом».

В сборнике «Мы родились змеями» Йордана Вылчева есть рассказ «Клетварката». В нем интересен следующий фрагмент: *«На другия ден всичките му зъби цъфнаха на гердан върху нашата порта. Баба бе окачила герб на фамилията Вълчеви, гербът, който ни свързваше направо с хан Кубрат-Вълка, когото тука наричахме дядо Кюрто, според съкратеното му име Курт така, както е известно във всички истории на света»* («На следующий день все его зубы красовались ожерельем на нашей двери. Бабушка повесила герб семьи Вылчевых, герб, который нас связывал с Кубратом-Волком, которого здесь звали дед Кюрто, от сокращенного имени Курт, так, как это известно во всех историях мира» (Вылчева 2002). Здесь мы могли бы попытаться найти влияние праболгарской религии, в которой волк являлся тотемным животным и воспринимался как предводитель. Не случайно собственное имя *Курт*,

Курта и фамилия *Куртеви* часто встречаются в Северо-Западной Болгарии, особенно в Видинской обл. Зеленин утверждает, что в казахском и уйгурском языках обозначением волка служит *qurt* (Зеленин 1929:63). Имя *Курт* вписано в Именослов болгарских ханов на месте хана Кубрата. Это дает основание Б. Симеонову утверждать, что *Курт* является личным именем хана и происходит от гунно-алтайского слова *qurt* ‘волк’ (Симеонов 2008: 146). В житии св. Климента Охридского упоминается, что во времена князя Бориса I правитель области Котокия (в Македонии) носил имя *Курт*. В болгарской антропонимической системе кроме *Курта* встречаются: *Курта*, *Курдо*, *Курто*, *Куртас*, *Куртан*, *Куртъш*, а также фамилии *Куртов*, *Куртев* (Барболова 2013). Имя *Курти* известно и в наши дни в Ямболовской обл. Полное имя болгарского царя *Ивайло* (1277–1280) — Курт Докс Уваш. Как уже говорилось, существует мнение, что на староболгарском *Курт* означало «волк». Ученые предполагают, что, вероятнее всего, личные имена *Въло*, *Въл*, *Иваил*, *Ивайло* — это его более поздние славянские транскрипции. Наличие пожелательных личных имен с внутренней формой ‘волк’ отсылают нас к древнему состоянию, когда волк, по-видимому, был тотемом и вожаком и отношение к нему было амбивалентным: с одной стороны, он являлся опасным для человека существом, а с другой — защитником рода. Легенды о том, что волчица вскормила детей (ср. Ромул и Рем), не случайна. Пожелательные имена в болгарской антропонимической системе всегда оцениваются только положительно.

Выводы

При табуировании животных используются следующие механизмы эвфемизации. Прежде всего, задействуются термины родства — таким образом чужое превращается в свое, становится безопасным и близким. Причем здесь фигурируют термины и кровного, и духовного родства: *баба*, *братя*, *кум*. Используется лексика с уменьшительными суффиксами: *кумчо*, *мечле*, *мецанка*, *сивчо*. Имена собственные с компонентами *вълк* и *мечка* имеют цель пожелательную: «Чтобы был сильным и крепким, как медведь/волк»; акцентируется лишь положительная характеристика животного. Поэтому я считаю, что подобное именование тоже относится к эвфемизации, из амбивалентной оценки берется только хорошее — сила, крепость, величина, победитель и защитник рода. Различные модели эвфемизации демонстрируют амбивалентное отношение традиционного болгарина к медведю и волку, амбивалентность же всегда имплицитно основывается на оценке.

ИСТОЧНИКИ

- Андрейчин и др. 1973 — *Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст., Леков Ив., Стойков Ст., Тодоров Цв.* Български тълковен речник. София: «Наука и изкуство», 1973. 1134 с.
- Георгиев 1986 — *Георгиев Вл.* (редактор). Български етимологичен речник. Т. 3. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1986. 800 с.
- Геров 1904 — *Геров Н.* Речник на българския език, Т. V, Пловдив, 1904. 386 с.
- Младенов 1941 — *Младенов Ст.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. Книгоиздателство Христо Г. Данов, Пловдив, 1941. 704 с.
- СД 1 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н.И.Толстого. Т. 1. Москва: «Международные отношения», 1995.
- СД 4 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н.И.Толстого, Т. 4. Москва: «Международные отношения». М., 2012.
- Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: «Прогресс», 1971.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова 1969 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия», 1969.
- Барболова 2013 — *Барболова З.* Имена със значение вълк в българската антропонимна система. Варна, 2013. LiterNet; litenet.bg/publish28/zoia-barbolova/vulk.htm.
- Вълчев 1995 — *Вълчев Й.* Родихме се змейове. София: «Христо Ботев», 1995.
- Георгиева 1993 — *Георгиева И.* Българска народна митология. София: «Наука и изкуство», 1993.
- Зеленин 1929–1930 — *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 8–9. Л., 1929–1930.
- Иванов 1977 — *Иванов Вяч. Вс.* Волк // Мифы народов мира. Т. 1. М.: «Советская энциклопедия», 1977.
- Иванов, Топоров 1978 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Медведь // Мифы народов мира. Т. 1. М.: «Советская энциклопедия», 1978.
- Кацев 1991 — *Кацев А. М.* Эвфемизмы и просторечие. Семантический аспект // Актуальные проблемы семасиологии. СПб.: «Лань», 1991. С. 65–83.

- Кацев 1988 — *Кацев А. М.* Языковое табу и эвфемия. Л.: «Лань», 1988.
- Китанова 1996 — *Китанова М.* Диалектного название Куцулан в миторитуалного ядро на Вълчите празници // Българска реч. София, 1996. № 3. С. 33–36.
- Ковшова 2007 — *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: «Гнозис», 2007.
- Михайлова 1974 — *Михайлова Д.* Към въпроса за евфемистичните названия на болести в български език // Български език. София, 1974. № 1.
- Москвин 1999 — *Москвин В. П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград: URSS, 1999. С. 262.
- Попов 1998 — *Попов Б.* Табуистични названия на хора и животни в югозападните български говори // Македонски преглед. София, 1998. № 3. С. 41–55.
- Попов 2000 — *Попов Б.* Табуистични названия на болести в югозападните български говори // Македонски преглед. 2000. № 1. С. 67–85.
- Попов 2000а — *Попов Б.* Реконструкция на архаичната номинация при индоевропейските названия за диви животни и ролята на ономастопеята // Съпоставително езиковедение. 2000. № 2. С. 65–85.
- Попов 2001 — *Попов Б.* Табуистични названия в български език (в етнолингвистичен аспект и в съпоставка с други езици). Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователната степен «доктор», Благоевград, 2001.
- Попов 2004 — *Попов Б.* Типология на назоваването при древните индоевропейски термини за някои опасни хищни животни // Съпоставително езиковедение. София, 2004. № 1. С. 5–23.
- Симеонов 2008 — *Симеонов Б.* Прабългарска ономастика, Пловдив, Фондация, «Българско историческо наследство», 2008.
- Тишина 2006 — *Тишина Н. В.* Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке. АКД... канд. филол. наук. М., 2006.
- Трубачев 1958 — *Трубачев О. Н.* Из истории табуистических названий // Вопросы славянского языковедения. М., 1958. № 3. С. 120–126.
- Holder 2003 — *Holder W.* How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. Oxford, 2003.
- Meillet 1926 — *Meillet A.* Quelques hypothèses sur des interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes // Linguistique historique et linguistique générale. T. VIII. Paris, 1926. P. 205–214.

Maria Kitanova (Sofia)

**Axiological aspects of some models of euphemisation
in Bulgarian language and traditional Bulgarian culture**

Abstract: The study examines the cases when euphemisms are used in place of words that are forbidden (taboos) in the Bulgarian traditional culture: some animal denominations such as: bear end wolf, and also some personal names (anthroponyms). The linguistic process is seen through axiological issues and through the values the concepts are marked with.

Key words: values, axiology, euphemisms; taboos; words-substitutes; tabooistic denominations, bear, wolf.

Note on the author: Mariya Kitanova, PhD, DrSc, Professor, Head of the Department of Ethnolinguistics, Institute for Bulgarian Language “Prof. L. Andreychin”, Bulgarian Academy of Science. Email: miyak@abv.bg.

(Перевод с болгарского И. Седаковой)